

Вестник НГУЭУ. 2025. № 1. С. 127–138
Vestnik NSUEM. 2025. No. 1. P. 127–138

Научная статья

УДК 167.7

DOI: 10.34020/2073-6495-2025-1-127-138

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»: ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Суханова Наталья Петровна

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»*

n.p.suhanova@edu.nsuem.ru

Аннотация. В статье проводится методологическое исследование программы дискурсного анализа высказываний ученых Д. Гилберта и М. Малкея. В дискурсном анализе любое действие, совершаемое ученым, понимается как социальное действие. Суть научной проблемы заключается в невозможности напрямую наблюдать социальное действие, представляющее из себя веер потенциальных возможностей. Интерпретация социального действия вариативна и зависит от характера высказываний ученых. Вариабельность социального действия непосредственно связана с вариабельностью высказываний ученых, что дает возможность выявить два репертуара – эмпиристский и условный, понимая их как социально заданные ориентиры. Повторяющиеся интерпретационные репертуары позволяют выделить феномен «формальной научной литературы» и «неформальной беседы». Главный тезис при решении указанной проблемы состоит в том, что лингвистические модели эмпиристского и условного репертуаров санкционируют выявление закономерностей перевода индивидуального знания в надындивидуальное знание общепризнанного содержания, здесь фиксируется наличие социальной нормы, управляющей методами рефлексивного представления проведенного исследования. Делается вывод, согласно которому социальное действие неправомерно понимать как заданный акт, поскольку рефлексия предлагает различные картины одного и того же внешне наблюдаемого события.

Ключевые слова: дискурсный анализ, высказывания ученых, вариабельность суждений, социальное действие, социальный контекст, научная рефлексия, эмпиристский и условный репертуар, формальная научная литература, неформальная беседа

Для цитирования: Суханова Н.П. Анализ феномена «научной литературы»: вариабельность высказываний и проблема значения социального действия // Вестник НГУЭУ. 2025. № 1. С. 127–138. DOI: 10.34020/2073-6495-2025-1-127-138.

© Суханова Н.П., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Original article

ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF “SCIENTIFIC LITERATURE”: VARIABILITY OF STATEMENTS AND THE PROBLEM OF THE MEANING OF SOCIAL ACTION

Sukhanova Natalia P.

Novosibirsk State University of Economics and Management

n.p.suhanova@edu.nsuem.ru

Abstract. The article provides a methodological study of the program of discourse analysis of the statements of scientists G. Gilbert and M. Mulkay. In discourse analysis, any action performed by a scientist is understood as a social action. The essence of the scientific problem lies in the impossibility of direct observation of social action, which is a fan of potential possibilities. The interpretation of social action is variable and depends on the nature of the statements of scientists. The variability of social action is directly related to the variability of the statements of scientists, which makes it possible to identify two repertoires – empiricist and conditional, understanding them as socially given guidelines. Repetitive interpretive repertoires highlight the phenomenon of “formal scientific literature” and “informal conversation”. Scientific novelty is presented by the main thesis in solving this problem, which is that linguistic models of empiricist and conditional repertoires sanction the identification of patterns of translation of individual knowledge into supraindividual knowledge of generally recognized content, here the presence of a social norm governing the methods of reflexive presentation of the research is recorded. The conclusion is drawn, according to which it is inappropriate to understand social action as a given act, since reflection offers different pictures of the same externally observable event.

Keywords: discourse analysis, statements of scientists, variability of judgments, social action, social context, scientific reflection, empirical and conditional repertoire, formal scientific literature, informal conversation

For citation: Sukhanova N.P. Analysis of the phenomenon of “scientific literature”: variability of statements and the problem of the meaning of social action. *Vestnik NSUEM*. 2025; (1): 127–138. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2025-1-127-138.

Введение

Существуют разного рода трудности в понимании научной рефлексии, без которой невозможно помыслить науку. Научная рефлексия представляется методологам науки в качестве ведущего регулятива функционирования науки, на чем делает акцент В.А. Лекторский [7]. Наука как система с рефлексией рассматривается М.А. Розовым в разработанной им теории социальных эстафет [9]. Для Л.С. Сычевой имеет принципиальное значение рефлексивная картина науки ученого, отличная от сферы рефлексии гносеолога [14]. Особая значимость в науке рефлексивных механизмов, определяющих критерии оценки действий в процессе формирования знания, конституируется В.С. Швыревым [15]. Возможности рефлексивной социологии оценивает Г.Б. Юдин, классифицируя формы научной рефлексии [16]. Для Н.С. Автономовой саморефлексивность науки постулируется в качестве сознательного контроля оснований познавательного процес-

са [1]. Н.И. Кузнецова в подходе к изучению явления научной рефлексии подчеркивает возможности эпистемологии, поскольку она «сильна дескриптивной установкой» [5, с. 86]. Многозначный характер, прослеживаемый в исследованиях научной рефлексии, требует детального осмысления данного предмета, поскольку понимание оснований, на которых базируется научная деятельность, позволяет приоткрыть завесу сложной картины научного поиска.

Целью настоящей статьи является критический анализ программы научной рефлексии Д. Гилберта и М. Малкея, необходимый для репрезентации феномена «научной литературы». Проблема исследования состоит в том, что любое действие, которое совершается ученым, квалифицируется как социальное действие, недоступное для прямого наблюдения, мы имеем множество потенциальных возможностей. Интерпретация социального действия поливариантна и зависима от характера рефлексии ученых.

В качестве особого объекта исследования Д. Гилберт и М. Малкей выделяют высказывания ученых [3]. Производимые учеными высказывания в достаточной степени вариабельны и тем не менее в них прослеживаются различные образцы. Можно диагностировать зависимость форм вариабельности от характерных особенностей высказываний, произведенных учеными в рамках научной статьи и беседы неофициального характера. В рассуждениях ученых идентифицируется наличие двух постоянно обнаруживаемых основных интерпретационных репертуаров – это эмпиристский репертуар и условный репертуар. «Ученые по-разному интерпретируют свою деятельность в зависимости от того, в каком из репертуаров производится высказывание» [13, с. 54]. Разграничение научной рефлексии на два своеобразных репертуара можно считать осознанным решением ученых оставить что-то невидимым, завуалированным для остальных и представить значимый интеллектуальный продукт сообществу, введя его в пространство социального.

Исходя из контекста высказывания, ученые различным образом представляли свои мнения о том или ином событии. Понятию «социальный контекст» в дискурсном анализе в принципе придается важное значение и особо подчеркивается то, что контексты есть результат высказываний. «Значения, образующие социальный контекст, – резюмируют авторы книги “Открывая ящик Пандоры”, – реализуются посредством отбора из множества значений, потенциально заложенных в языке» [3, с. 60]. Социальным контекстом задаются потенциально возможные значения, эти значения трансформируются из огромного числа значений, представленных в языковой практике.

Обнаружение и описание самобытности социальных контекстов в знаково-информационной системе есть указание на тот факт, что формы дискурса, используемые учеными для производства своей социальной реальности, существуют достаточно организованно.

Формальная научная литература и неформальная беседа

Благодаря повторяющимся интерпретационным репертуарам выделяется феномен «формальной научной литературы» и «неформального» общения. Определение разницы между двумя контекстами устанавливается

посредством обращения к неизменным особенностям в приемах, которыми пользуются ученые для выстраивания своей позиции и плана действий в зависимости от ситуации. Дискурс-анализ четко фиксирует невозможность обращения непосредственно к взглядам, как, впрочем, и к их действиям. Предмет, открытый для исследования, – высказывания ученых, представленные в качестве языковой формы выражения «подлинных» убеждений.

Интерпретационные репертуары стереотипны и воспроизводятся постоянно. Специфической особенностью эмпиристского репертуара является то, что он позволяет нивелировать, отодвинуть все личностно нагруженное, сделать так, как будто бы сама реальность голосом ученого провозглашает себя через его научное исследование, опубликованное и сделанное достоянием научного сообщества. Об особом престиже письма и его превосходстве над устной речью писал и Фердинанд де Соссюр: «Язык и письмо суть две различные системы знаков; единственный смысл второй из них – служить изображением первой» [12, с. 36]. В научных текстах собственные оценки ученых замаскированы, они как бы и вовсе отсутствуют. Но это всего лишь ширма, за обезличенным научным знанием проступают определенные ценностные позиции самих авторов научных текстов. Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» по этому поводу выражается следующим образом: «Язык переодевает мысли. Причем настолько, что внешняя форма одежды не позволяет судить о форме облаченной в нее мысли» [2, с. 18]. Совсем по-другому обстоит дело с высказываниями, которые производятся посредством условного репертуара. Неформальная беседа устроена таким образом, что здесь легко обнаружить подлинное отношение говорящего к обсуждаемой теме. Свободное общение располагает к тому, чтобы давать оценки, быть эмоциональным, показывать свои личные предпочтения. И именно в ходе неформального обсуждения ученые провозглашают тот факт, что данное конкретное открытие значительным образом зависимо от личностных качеств ученого и его сообщества.

На бинарность ценностных ориентаций науки указывает В.А. Яковлев, утверждающий, что научный язык ценностно нагружен, его невозможно полностью формализовать и даже в случае, если ученый в контексте формального репертуара пишет о том, что «опытные данные убедительно свидетельствуют», а «расчеты бесспорно верны», сами семантические конструкции содержат аксиологическую составляющую [17, с. 85].

В исследовании Д. Гилберта и М. Малкея обнаруживается, что те идеи, с которыми ученые не согласны, они представляют в невыгодном свете с тем, чтобы продемонстрировать собственную выигрышную позицию. Ключевые концептуальные построения противной стороны авторами подаются не в качестве доказанного факта, имеющего экспериментальные подтверждения, но в виде допущения или предположения [3, с. 64]. Наблюдается такая картина, когда авторы публикации изображают свои результаты как единственно верные, исключительные, основанные на экспериментальных данных и не подлежащие сомнению. Причем в научной статье выводы могут делаться так, чтобы показать их универсальный характер, они предстают в обезличенном виде. Когда же проходит обсуждение в неформальной обстановке, то оказывается множество «варьирования в речи»,

с упором на предвзятость, неоднозначность, личностную окрашенность и воззрений, и поступков ученых [6, с. 102].

Формат написания научной статьи предполагает размывание, сокрытие лично значимого для автора публикации. Обнаруживается избегание «неудобных» теорий либо они могут привлекаться в таком качестве, чтобы прослеживалась их необоснованность на фоне доказательных результатов данного автора. При возникновении такой ситуации прокламируемые автором положения способны претендовать на некую объективность лишь в контексте беседы свободного характера.

Публикуя свою научную работу, ученый будет сообщать об определяющих данных экспериментальных исследований, а в неформальном дискурсе может быть обнаружено, что решающая догадка есть продукт интуитивных воззрений. В формальной научной статье все построено таким образом, будто автора заботит лишь то, как эффективнее подвергнуть модель критической и беспристрастной проверке. Эмпиристский интерпретационный репертуар устроен так, что в его границах модель предстанет в исследовательской работе как итог обезличенных экспериментов. В неформальной беседе все будет выглядеть иначе, в условном интерпретационном репертуаре будет обнаружено, что особо значимы спонтанные озарения и решающее значение имеет именно условный форум. Оказывается, что принципиально важные положения подлежат трансляции в неформальном общении, в беседе личного характера и когда наступает момент для принятия значительного решения, первенство оказывается за условным интерпретационным репертуаром.

Неформальные высказывания сообщают о том, что цель выполняемых ученым экспериментальных исследований заключается в проверке теоретической концепции и особенно интересно, что произойдет с теоретической концепцией, если она окажется неверна, следует ли защищать такую концепцию? Значение здесь также имеют связи личного характера. Ученый может длительное время придерживаться неверной концепции, конструируя сложнейшие защитные объяснения, например, делая упор на авторитетных коллег, с которыми он взаимодействует. В свободной беседе становится ясно, в какой степени персонифицированы научные взгляды и действия авторов [3, с. 69]. Совсем иначе ситуация будет выглядеть в формальной научной литературе. В публикуемых работах не будет упоминания о том, насколько значимы для исследователя социальные отношения рабочей группы, к которой он принадлежит.

Формальная научная литература эталонна, она выстраивается по образцам написания научно-исследовательского текста, за бортом научной публикации оказывается все то важное и существенное, без чего была невозможна неформальная беседа. Высказывания формального дискурса будут выверенными, последовательными и четкими, что же касается неформальной беседы, то здесь главное – понятность и выразительность. Существенные отличия неформальной беседы и формальной научной литературы не эпизодичны, регулярно встречаемы, они имеют первостепенную важность.

Научная рефлексия в формате эмпиристского и условного репертуаров

Ученые в своих высказываниях пользуются двумя различными формами социально замотивированной интерпретации и делают это выборочно. Преобладание эмпиристского репертуара наблюдается в научно-исследовательской литературе, условный репертуар превалирует в неформальной беседе или интервью, в обычном разговоре. В качестве свидетельства несогласия с положениями дискурсного анализа можно рассматривать альтернативные исследовательские программы, однако нельзя не рассматривать как шаг вперед вывод, сделанный на основании наблюдений Д. Гилбертом и М. Малкеем, о содержании эмпиристского репертуара. Специфика эмпиристского интерпретационного репертуара выявляется посредством критического анализа научных публикаций.

В исследовании Ю.М. Лотмана «Внутри мыслящих миров» развивается идея о том, что «“порождение” текста связано с многократной семиотической трансформацией» [8, с. 126]. И тем не менее если взять и проштудировать некоторое количество научных статей, то окажется, что в чем-то они будут похожи. Стилистика может повторяться, лексика и грамматика также будет иметь определенную стереотипность. Все выглядит так, как будто статьи пишутся по определенным образцам, хотя нигде точно они не зафиксированы. Начаться статья может с экспериментальных данных, но скорее всего в статье не будет сказано о личном вкладе авторов в отношении выдвигаемой концепции. Почему в статье отдается предпочтение тем, а не иным авторам, тоже, скорее всего, не узнаем, ведь формат научной статьи не предполагает, а лучше сказать скрывает социальные связи авторов статьи и их коллег. Когда же дело доходит до описания экспериментальной части, то и здесь не будет ничего личного, методики будут «традиционными», «эффективными» и «приняты». В эмпиристском репертуаре авторская позиция тщательно прячется, «специфическая форма построения эмпиристских суждений позволяет замаскировать их интерпретационный характер и зависимость их содержания от действий автора» [3, с. 80]. основополагающим принципом эмпиристского интерпретационного репертуара будет позиционирование себя учеными в качестве индифферентных посредников, доносящих голос самой природы.

Организация условного интерпретационного репертуара принципиально иная, нежели эмпиристского, можно сказать, что два эти репертуара противоположны друг другу в своих идейных установках. Ведущим принципом условного репертуара будет возможность для ученого показать подверженность профессиональных действий и взглядов социальным факторам, которые обнаруживаются за пределами эмпирического исследования. Через условный репертуар ученые показывают, как они действуют на самом деле, здесь обнаруживается случайность и неоднозначность их действий. Высказывания, сделанные в рамках условного репертуара, позволяют понять, что совершаемые учеными те или иные действия не представляется возможным трактовать в качестве реакции на происходящее в исследуемой реальности.

Условный репертуар обнаруживает то, что скрывается эмпиристским дискурсом, провозглашаемые суждения оказываются адресными, совершаемые действия имеют личный характер. «Созидательная роль индивидуального действия становится объективным и все более важным фактором структурирования социального мира» [11, с. 18]. В условном репертуаре присутствуют люди с конкретными именами и фамилиями, они индивидуальны и независимы в своих высказываниях, имеют определенный статус в социальной иерархии. Распознавание специфических черт интерпретационных репертуаров является свидетельством важного достижения в изучении закономерностей, обнаруживаемых в высказываниях, производимых учеными, и указывающих на вариабельность описаний.

Когда происходит неформальная беседа, ученые достаточно гибко используют как эмпиристский, так и условный интерпретационный репертуар. Маскировка личной причастности автора к опубликованным результатам приводит к тому, что научные статьи выглядят безлично, стандартно, выхолащено. Не существует беспристрастного наблюдения, все это вымысел, навязываемый обществу. Ученый видит именно то, что ему хочется видеть или осуществляет выбор в пользу одной из двух приблизительно равных возможностей.

Неформальный дискурс устроен таким образом, что позволяет ученым показать осведомленность в отношении не выставляемых напоказ фактов, а также умение видеть подтекст. Скажем, знакомясь с новой публикацией какого-то автора, они держат в памяти то, что он научная величина. Ученые выступают здесь в качестве переводчиков формального дискурса на неформальный. Эмпиристский и условный репертуар формируют различные представления о науке. Идеализированные представления эмпиристского репертуара, воплощаемые в научных публикациях, оказываются отличными от реальной картины науки, предполагающей существенное влияние субъективных обстоятельств и где значим «устоявшийся набор предпочтений и оценок» [10, с. 35]. Наблюдаемые в суждениях ученых интерпретационные нестыковки в толковании содержания эмпиристского репертуара можно объяснить как итог перформативно обусловленного применения учеными официально двух реверсивных интерпретационных репертуаров, служащих задаче регистрации результатов научных изысканий.

Следует отметить, что интерпретационный ресурс эмпиристского и условного репертуаров заключается в выявлении закономерностей перевода субъективного индивидуального знания в пространство надиндивидуального научного знания. Устранение условного репертуара позволяет осуществить восхождение к знанию в надиндивидуальной форме. Программой дискурсного анализа тщательно отслеживаются механизмы построения научной литературы средствами эмпиристского репертуара, организованного в соответствии с определенными языковыми регистрами. Лингвистические образцы, представляющие эмпиристский репертуар, нацелены на сокрытие субъективированного, содержащего погрешности, опыта индивидуальной исследовательской деятельности. Существование двух интерпретационных репертуаров в высказываниях ученых является свидетельством

распространенности социальных норм, управляющих способами рефлексивного представления проведенных изысканий. Лингвистическое маневрирование служит задаче объективации знания, способствует принятию научным сообществом полученных научных выводов в качестве истинных. Лингвистические модели двух репертуаров позволяют обнаружить закономерности перехода от индивидуального к надындивидуальному знанию, что способствует признанию полученных результатов коллегами и формированию знания общепризнанного содержания.

Достижение дискурсного анализа состоит в разделении научной рефлексии на два репертуара и экспликации в высказываниях ученых того, что они хотят сделать невидимым и неявным, а также того, что они хотят сделать явным и ввести в социальное пространство. Исследовательские статьи пишутся так, как будто сама природа говорит устами автора. В высказываниях условного репертуара, наоборот, присутствуют личные оценки, мнения, социальное окружение. Методологический ресурс эмпиристского и условного репертуаров состоит в обнаружении закономерностей перехода от личного к надличному, надындивидуальному научному знанию. Правила построения научной публикации в традициях эмпиристского репертуара позволяют тщательно скрыть условный репертуар с помощью соответствующих языковых ухищрений.

Социальное действие как вариабельный конструкт

Д. Гилберт и М. Малкей изобличают нетривиальную проблему, касающуюся вариативности высказываний, производимых учеными в отношении их собственных действий. Программой дискурсного анализа критикуются идеи «этнографического подхода» [18], допускающего, что избежать вариабельность высказываний можно, полагаясь на включенное, прямое наблюдение жизни исследовательской лаборатории. Но можно ли наблюдать социальное действие напрямую? «Так называемое “прямое наблюдение” социальных действий в процессе их совершения ни в коей мере не освобождает наблюдателя от необходимости полагаться на потенциально вариабельные свидетельства» [3, с. 21]. Социальное действие есть вариабельный конструкт, подчиняющийся целям человеческой практики. Ученые могут по-разному выстраивать сотрудничество в зависимости от контекста, что дает в итоге наличие многообразных языковых толкований первоначальных действий исследователей.

Участники событий способны дать описание или выразить свое мнение относительно заданного комплекса действий множеством отличных друг от друга способов, которые могут быть и несоизмеримы. Наличие подобной возможности объясняется многозначностью смыслов, лежащих в основании социального действия. Скажем, как можно понять, что из себя представляют наблюдаемые процессы: заявку на получение гранта, попытку увеличить бюджетирование, внутренний аудит? Возможно, имеет место все вышеперечисленное, но ожидаемо и то, что мотив может быть только один. Кроме того, участники происходящего постоянно разворачивают но-

вые интерпретации в соответствии с развитием событий. Именно поэтому требуется анализ рефлексии социального поведения, предполагающий «интерес к содержательному предмету социальных смыслов», о чем пишут в своей статье В.Я. Драпезо, Т.И. Грицкевич и Р.Г. Драпезо [4, с. 188].

Для внешнего наблюдателя картина действий будет монохромна, он не сможет однозначно решить, что же происходит на данный момент рядом с ним. На разрешение проблемы работает концепция рефлексивной симметрии, созданная М.А. Розовым, где постулируется следующее: два акта деятельности могут отличаться только осознанием результата и может иметь место преобразование друг в друга в случае изменения человеком рефлексивной позиции [9]. В теории социальных эстафет М.А. Розова объясняется феномен, зафиксированный Д. Гилбертом и М. Малкеем. Мы наблюдаем смену рефлексивной позиции, чем и истолковывается подобная вариативность высказываний о производимых ими действиях участников событий. Активность субъекта может быть переосмыслена как целенаправленная деятельность спустя некоторое время.

Программой дискурсного анализа социальное действие понимается как набор потенциальных возможностей. Поскольку возможности являются потенциальными, то и реализованы они могут быть по-разному. Мы сталкиваемся с множеством непростых интерпретаций, данных участниками событий в самых разноплановых социальных контекстах. Невозможно подойти к пониманию социального действия так, как будто бы речь идет о заданном единой характеристикой акте и мы находимся в статусе наблюдателей процесса осуществления данного акта. Важно и то, что социальное действие, его значение выявляются через язык и интерпретации, данные социальному действию в различное время. Каждый раз мы имеем дело с новой ситуацией, а следовательно, и с новой интерпретацией совершаемых действий.

Выводы

Не удастся точно выделить и зафиксировать действие, наблюдаемое в определенный момент времени, ввиду отсутствия методологических средств. Ситуация тем более усложняется, если речь идет о событиях ретроспективного характера. Когда Д. Гилберт и М. Малкей говорят о методе прямого наблюдения как методе, который может завести исследователя в ловушку, поскольку предлагаемые участниками реконструкции их социального мира контекстуально зависимы и вариативны, то здесь они регистрируют феноменологию невозможности наблюдать социальное действие напрямую и обнаруживают рефлексивный характер деятельности. Рефлексия есть существенный механизм в развитии науки, без рефлексии невозможно обойтись, объясняя появление новаций. Изменения в области рефлексии нередко находятся в основании нового направления или дисциплины в момент образования.

Основные результаты, полученные в данном исследовании, базируются на том, что высказывания ученых являются вариативными и зависимыми от контекста. Социальное действие нельзя понимать как заданный акт,

рефлексия представляет различные картины внешне наблюдаемого одного и того же события. Являясь сторонним зрителем, человеку не удастся дать однозначный ответ на вопрос, что происходит вокруг него в лаборатории. Данная проблема принципиально значима для гуманитарных и социальных наук. Рефлексивный характер деятельности объясняет невозможность метода прямого наблюдения социального действия.

Список источников

1. Автономова Н.С. Познание и перевод: опыты философии языка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 736 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
3. Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: Социологический анализ высказываний ученых / пер. с англ. М. Бланко. М.: Прогресс, 1987. 269 с.
4. Дранезо В.Я., Грицкевич Т.И., Дранезо Р.Г. Поиски эмерджентности в системе соционормативного регулирования // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6, № 2. С. 188–197. DOI: 10.31804/2542-1816-2022-6-2-188-197.
5. Кузнецова Н.И. Дискурс исторического познания: эпистемологический анализ // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 85–115. DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-85-115.
6. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 96–181.
7. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 359 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука-классика, 2024. 448 с.
9. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 351 с.
10. Санжениаков А.А. Действие без намерения: некоторые ремарки аналитической философии применительно к теории социального действия // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4-1. С. 28–41. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-28-41.
11. Сорокин П.С. Социологическая теория: вызовы и возможности российской социологии // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 12–23. DOI: 10.31857/S013216250017006-9.
12. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: Издательство «Юрайт», 2024. 303 с.
13. Суханова Н.П. Проблема метода выявления научной истины в программе дискурсного анализа Д. Гилберта и М. Малкея // Ценности и смыслы. 2019. № 5 (63). С. 53–64. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10086.
14. Сычева Л.С. Современные процессы формирования наук: Опыт эмпирического исследования. Новосибирск: Наука, 1984. 161 с.
15. Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М.: Наука, 1988. 175 с.
16. Юдин Г.Б. Рефлексивная социология между действительностью и недействительностью // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 96–117.
17. Яковлев В.А. Бинарность ценностных ориентаций науки // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 77–86.
18. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1986. 294 p.

References

1. Avtonomova N.S. Poznanie i perevod: opyty filosofii jazyka [Cognition and Translation: Experiments in the Philosophy of Language]. Moscow; Saint Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ, 2017. 736 p.

2. Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty [Philosophical Works]. Part I. Moscow, Gnozis, 1994. 612 p.
3. Gilbert D., Malkej M. Otkryvaja jashhik Pandory: Sociologicheskij analiz vyskazyvanij uchenyh [Opening Pandora's Box: Sociological Analysis of Scientists' Statements]. Transl. from english. M. Blanko. Moscow, Progress, 1987. 269 p.
4. Drapezo V.Ja., Grickevich T.I., Drapezo R.G. Poiski jemerdzhentnosti v sisteme socionormativnogo regulirovanija [Searches for Emergence in the System of Socionormative Regulation], *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 188–197. DOI: 10.31804/2542-1816-2022-6-2-188-197.
5. Kuznecova N.I. Diskurs istoricheskogo poznaniya: jepistemologicheskij analiz [Discourse of historical knowledge: epistemological analysis], *Filosofija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 85–115. DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-85-115.
6. Labov U. Issledovanie jazyka v ego social'nom kontekste [Study of language in its social context], *Novoe v lingvistike. Vyp. 7. Sociolingvistika [New in linguistics. Issue 7. Sociolinguistics]*. Moscow, Progress, 1975. Pp. 96–181.
7. Lektorskij V.A. Sub#ekt, ob#ekt, poznanie [Subject, object, cognition]. Moscow, Nauka, 1980. 359 p.
8. Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhih mirov [Inside the Thinking Worlds]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika, 2024. 448 p.
9. Rozov M.A. Teorija social'nyh jestafet i problemy jepistemologii [Theory of Social Relays and Problems of Epistemology]. Moscow, Novyj hronograf, 2008. 351 p.
10. Sanzhenakov A.A. Dejstvie bez namerenija: nekotorye remarki analiticheskoy filosofii primenitel'no k teorii social'nogo dejstvija [Action without Intention: Some Remarks on Analytical Philosophy Applied to the Theory of Social Action], *Idei i ideally [Ideas and Ideals]*, 2021, vol. 13, no. 4-1, pp. 28–41. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-28-41.
11. Sorokin P.S. Sociologicheskaja teorija: vyzovy i vozmozhnosti rossijskoj sociologii [Sociological Theory: Challenges and Opportunities of Russian Sociology], *Sociologicheskie issledovanija [Sociological Studies]*, 2021, no. 11, pp. 12–23. DOI: 10.31857/S013216250017006-9.
12. Sossjur F. Kurs obshhej lingvistiki [Course in General Linguistics]. Moscow, Izdatel'stvo «Jurajt», 2024. 303 p.
13. Suhanova N.P. Problema metoda vyjavlenija nauchnoj istiny v programme diskursnogo analiza D. Gilberta i M. Malkeja [The Problem of the Method of Identifying Scientific Truth in the Discourse Analysis Program of D. Gilbert and M. Malkay], *Cennosti i smysly [Values and Meanings]*, 2019, no. 5 (63), pp. 53–64. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10086.
14. Sycheva L.S. Sovremennye processy formirovanija nauk: Opyt jempiricheskogo issledovanija [Modern Processes of Formation of Science: Experience of Empirical Research]. Novosibirsk, Nauka, 1984. 161 p.
15. Shvyrev V.S. Analiz nauchnogo poznaniya: osnovnye napravlenija, formy, problemy [Analysis of scientific knowledge: main directions, forms, problems]. Moscow, Nauka, 1988. 175 p.
16. Judin G.B. Refleksivnaja sociologija mezhdju dejstvitel'nost'ju i nedejstvitel'nost'ju [Reflexive sociology between reality and invalidity], *Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]*, 2009, no. 3, pp. 96–117.
17. Jakovlev V.A. Binarnost' cennostnyh orientacij nauki [Binarity of value orientations of science], *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, 2001, no. 12, pp. 77–86.
18. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1986. 294 p.

Сведения об авторе:

Н.П. Суханова – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и гуманитарных наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация.

Information about the author:

N.P. Sukhanova – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Humanities, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>25.07.2024</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>25.07.2024</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>10.10.2024</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>10.10.2024</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>20.11.2024</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>20.11.2024</i>